

Картины полосовали ножами, на портретах выкалывали глаза

РАНЫ НА ХОЛСТЕ

Нетворческие заботы «спасателей культуры»

Икона «Спас Нерукотворный» с предстоящим ему царем Федором Алексеевичем. Одна из последних работ Центра (после реставрации)

халл Фурдик. Без преувеличения — сотворил чудо. В кошмарном состоянии была и «Танцующая девушка с бубном» Алексея Тыранова. Вернул ей экспозиционный вид Валентин Кузнецов.

— Какие картины были в музее?

— «Морской пейзаж при луне» И. Айвазовского, «Мечеть» В. Верещагина, «Валаам» А. Куинджи, «Вид Венеции» К. Горбачева... Чечено-Ингушский музей формировался, как и другие провинциальные собрания, за счет фондов Эрмитажа, Третьяковки, Русского музея. Делились! Столичные музеи ежегодно устраивали там выставки. Искусствоведы ездили в Грозный в командировки, чтобы познакомиться с работами Петра Захарова-Чеченца. Так звали талантливого мастера, который сиротой был взят на воспитание в семью генерала Ермолова и, благодаря командующему Кавказской армией, получил художественное образование. Его автопортрет был перерезан ножом под подбородком, искромсав другой портрет его работы. Их удалось восстановить Ольге Кротовой. Но часть произведений чеченского художника, вероятно, погибла...

Не менее удивительные истории, случившиеся с другими картинами, которые сейчас на реставрации. Трехметровое полотно знаменитого баталиста Франца Рубо «Взятие Гуниба и пленение Шамиля» свернули в виде книги, чтобы вывезти за рубеж. ФСБ удалось его перехватить. В Центр Грабаря она попала в катастрофическом состоянии — с бесчисленными осыпаниями красочного слоя. Тем не менее мы ее надемся спасти.

Интереснейшие вещи увидят москвичи на выставке «Был в Грозном музей...». Она будет посвящена 130-летию со дня рождения Игоря Грабаря, замечательного ученого, искусствоведа, «дважды основателя» Центра, носящего его имя...

— Когда я смотрю на картины, изрезанные ножом, — говорит Владимир, — представляю, как в промежутках между стрельбой боевики «отводили душу». Понравился кому-то цветок во фламандском натюрморте XVII века, и он его аккуратно вырезал. Холст остался с дырой. Война, озлобленность, терроризм губят и людей, и культуру. А мы играем роль МЧС. Наш долг — спасти музей. Ведь он был средоточием культурной жизни Чеченской республики! Конечно, сначала нужно восстановить школы, больницы, пекарни, но музей тоже должен быть!...

В прежние времена такие работы неизменно называли подвигом. Но громкое слово давно девальгировалось. Сегодня это — сложнейший труд, где тонор на 95 процентов состоит из морального удовлетворения.

— Вы сами не пытаетесь зарабатывать деньги?

— Если мы уйдем в коммерцию, государство потеряет эталон. Здесь нет диктата заказчика, у нас — диктат науки и профессионализма, уважение к отечественной школе реставрации. Можно жить совсем не плохо, уступая капризам заказчика: «сделайте поярче» или «подпишите бутылочку в натюрморте». Мастер все это может сделать, но не каждый пойдя на такой договор: «Чего желаете-с?» Государство должно ценить мастеров, они — богатство страны. Если нас не будут поддерживать, все окажется в крупном проигрыше.

— Его можно подсчитать?

— Прикиньте, сколько стоят произведения, которые Центр вернул к жизни. Мы будем в одном ряду с Газпромом и ВПК! К нам обращаются музеи — помогите, картина попала в беду! Не всегда удается выяснить: есть ли у них деньги? Мы служим национальным интересам, хотя делать нам это труднее, чем скажем, шведам или французам...

— Почему? Меньше средств, чем у них?

— Не только поэтому! Главная разница в том, что у них практически не бывает таких сложных работ, как у нас. Где еще делают что-либо подобное восстановлению картин Грозненского музея? Иностранцы специалисты, когда видят, что лежит на наших рабочих столах спрашивают: «Это археология?»

Естественно подумать, что картина или скульптура в ужасном состоянии была найдена при археологических раскопках, вырыта из земли, извлечена из ямы, засыпанной мусором веков. А эта самая картина пришла из музея, где трубы прорвало, из никуда не годного фондохранилища... Наши кол-

тонко чувствовал когда и что можно. И когда появилась возможность — написал записку в правительство: нужно открыть мастерские, чтобы восстанавливать иконы и картины, возвращенные из немецкого плена. Мастерские вновь открыли в 1944 году.

Зачем вспоминать о грустных событиях, если сейчас вроде бы не сажают, не расстреливают? А просто для того, чтобы понять на каком фоне ведутся такие сложнейшие работы, какие, подчас, «нетворческие проблемы» навязываются Центру.

— Времена были разные, — замечает директор. — При Фурцевой, например, к нам относились довольно внимательно. Но культура в стране никогда не извлеклась от остаточного принципа финансирования. И сейчас этот принцип — царь и Бог! Общество по-прежнему не знает и не понимает значения профессии реставратор! Посетители музеев и галерей восхищаются картинами, часто не догадываясь, кто их спас. Таких спасенных вещей не десятки, не сотни, тысячи!

— Значит, Центру, как учреждению культуры, никогда хорошо не жилось?

— В начале 20-х годов здесь работали 60 мастеров, великолепных специалистов. Им платили крупной и селедками. За высокое искусство! Сейчас в Центре — 350 человек, 230 из них — реставраторы. Почти все остальные — из научного обеспечения: химики, компьютерщики, эксперты-искусствоведы. Получают — стыдно сказать! Но дело не только в зарплате. Работаем в постоянном притеснении. Так было заведено: нам отдавали церкви. Мы их приводили в порядок, реставрировали, поддерживали. У нас сегодня три церкви — 6 тысяч квадратных метров площади. Мы должны их вернуть верующим. А сами куда? В 20—30-е годы нас травил воинствующий безбожник, теперь верующие смеются над нас, как над врагов.

— Не предлагают других площадей?

— Предлагают развалюхи, которые нам не подыать. У нас нет таких средств. Просим дайте что-нибудь посветлей... Этот дом нельзя! Этот нельзя! А тот, тем более, нельзя! Потом здание, которое мы просили, поделили между собой конторы. Всю Полянку, переулочки рядом с нами застроили роскошными офисами и банками, а для Центра приличных площадей не находится...

Ф. Рубо. «Взятие в плен Шамиля»

История таких случаев не знает. Даже катастрофическое землетрясение 1948 года, разрушившее музей в Ашхабаде, не сравнить с тем, что произошло в Грозном во время военных действий. Чечено-Ингушскому музею изобразительных искусств досталось на полную катушку: картины полосовали ножами, у портретов выкалывали глаза, а само музейное здание от бомбового удара сложилось, как карточный домик. Вещи, извлеченные из руин, перехваченные на таможнях, были в чудовищном состоянии...

Ольга НИКОЛЬСКАЯ

От расстрела до ревизии

Любопытный парадокс: реставрационная наука и практика в нашей стране получили развитие в период наибольших разрушений. Например, открытие древнерусской иконописи — снятие многовековой копоти с творений Андрея Рублева — совпало с началом богоборческого вандализма. В 1918 году были созданы Центральные реставрационные мастерские (ЦРМ), ныне Центр имени Грабаря.

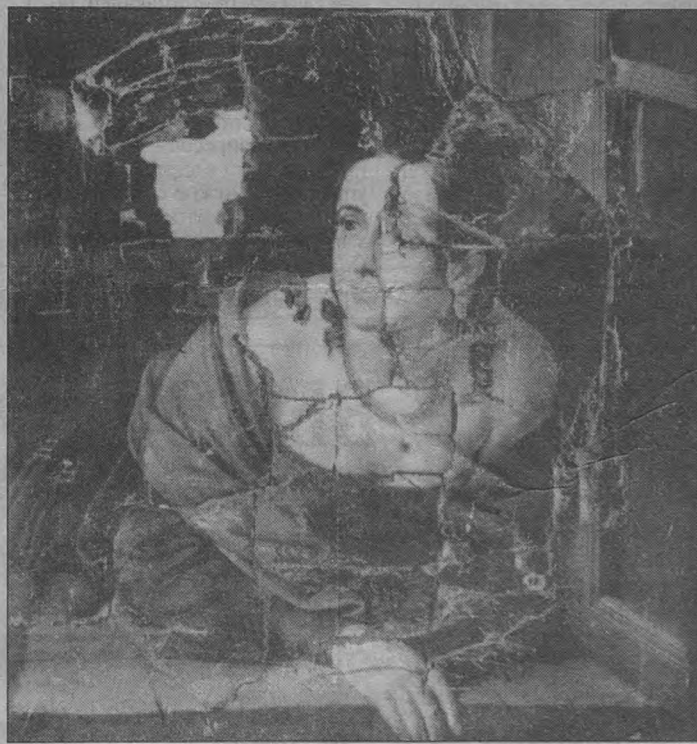
— Сейчас открыты архивные документы, — говорит директор Центра Алексей ВЛАДИМИРОВ. — Мы узнали, как за нами следили, как на нас доносили. В 1931 году ЦРМ проверяла рабоче-крестьянская инспекция завода имени Лепсе. В акте проверки — удивительные откровения: «Какое

они имели право везти в Ленинград икону на отдельном сиденье?» Надо было послать багажом в товарном вагоне? Вывод был суров: в ЦРМ ведется «пропаганда чуждых пролетариату церковных древностей». Некая «бригада РКП по чистке аппарата» обвинила руководство мастерских в «скрытой контрреволюционной работе». Гнусно травил нас известный журнал «Безбожник». Если сейчас к нам нагрянет ревизия, она может заявить: «Мы вас перетряхнем!». А тогда вывод был: «Мы вас к стенке поставим!»

По доносам в 1934 году уникальные мастерские ликвидировали. Самых квалифицированных специалистов бросили за решетку, отправили в ссылку. Олсуфьева расстреляли. Отняли лучшие творческие годы у знаменитых реставраторов: Померанцева, Сычева, Барановского... Чудом уцелел Грабарь. Он был осмотрительным человеком,

Заведующая отделом масляной живописи реставратор Кошкина с почти уничтоженными боевиками картиной

В. Тропинин. «Портрет молодой женщины в окне» (до реставрации)

леги в благополучных странах занимаются превентивной или упреждающей реставрацией. Вещь в превосходном состоянии, но подошел срок — нужно провести профилактику, предупредить потенциально возможное разрушение красочного слоя... У нас другая участь! Нам чаще приходится спасать вещи на грани их гибели. Это реставрация-реанимация.

— Разве стихийные бедствия происходят только у нас?

часть исчезла, возможно, навсегда, а часть (12 вещей) ФСБ отловила на южных границах, многие из них в совершенно изуродованном виде.

От страшных повреждений некоторых картин теперь не осталось следа. Только по фотографиям можно видеть, какими их привезли из Грозного. «Казначейша» Василия Тропинина вся была в порезах, проколах, прорывах. Ее реставрировал один из лучших специалистов масляной живописи Ми-